

ПРЕДИСЛОВИЕ

Работа над этой книгой была начата мной после поступления в аспирантуру при кафедре истории белорусской литературы БГУ в 1995 г. Моя тогдашняя научная руководительница Люба Тарасюк убедила меня отказаться от изучения литературы белорусской эмиграции в пользу творчества Франтишка Богушевича. Официальное литературоведение обходило вниманием фигуру Богушевича, что, вне сомнения, было способом идеологического контроля. Даже после обретения страной независимости и других судьбоносных для нации событий первым и последним монографическим исследованием, посвященным его творчеству, остается крайне тенденциозный и по существу не имеющий ничего общего с наукой опус Борисенко¹.

Написанная мной в 1998 году диссертация о Богушевиче была малосодержательной (и легла в основу школярской статьи «Мой Богушевич. Диалектика классического текста», опубликованной в 4-ом выпуске журнала «Фрагменты»). В сложившихся тогда условиях я не мог доработать ее до желаемого уровня. Осознавая это, я принял решение отказаться от защиты и, более того, после неполного месяца работы преподавателем в конце 1998-ого уволился из БГУ. Если бы не оказия, случившаяся благодаря молодёжному активисту Алесю Михалевичу в конце 1999 года, работа оказалась бы неоконченной.

В январе 2000 года я поступил в аспирантуру Института философии НАН Украины (отдел истории философии Украины).

---

¹ Барысенка В.В. Францішак Багушэвіч і праблема рэалізму ў беларускай літаратуры XIX стагоддзя. Мінск: Выдавецтва Акадэміі навук Беларускай ССР, 1957. С. 368.

Моя новая научная руководительница Оксана Забужко предложила мне обратиться к более общей, на этот раз уже философской проблематике — рассмотреть творчество Богушевича на фоне нациостроительства и циркуляции националистических идей в Европе².

Несмотря на то, что, казалось бы, исследовательский ракурс изменился незначительно, реализация этой задачи потребовала коренной ломки прежней методологии, которой я придерживался, и, говоря шире, перевернула мое представление о науке. По-

---

² Как и нация, национализм остается проблематичным и ни в коем случае не самодостаточным понятием. Специфическая особенность национализма именно в этой понятийной эластичности. В отличие от либерализма либо коммунизма национализм не является детально разработанным мировоззрением, а скорее чем-то наподобие «идеала» либо общей программы действий, и поэтому может паразитировать на всех идеологиях.

В данной работе термин «национализм» употребляется исходя из традиции, согласно которой основными значениями понятия являются «форма национального сознания», «процесс становления наций, направленный на создание политически самосознательного общества в рамках национального государства», «чувство и сознание принадлежности к нации», «язык и символика нации», «социальное и политическое движение от имени нации», «доктрина и/либо идеология нации, общая и конкретная» (Э. Смит), «образ мысли, присущий подавляющему большинству людей и претендующий на то, что он присущ всем людям; он считает национальное государство идеальной формой политической организации, а национальность — источником творческой культурной энергии и экономического процветания» (Ханс Кон).

В зависимости от функциональной роли, культурного контекста и т.д. различают языковой, религиозный, культурный, этнический и др. национализмы. На практике чистые типы национализма почти не встречаются.

В этой традиции «национализм» не сводится только к порождению наций либо к «мировоззрению, придающему абсолютный приоритет ценностям нации над всеми иными ценностями» (М. Грох), не тождественен национальному сознанию и не исчерпывается идеологией достижения и отстаивания политической независимости нации, взятой в культурном, политическом и др. смысле.

Именно такое понимание этого феномена позволило Э. Смиту утверждать, что национализм и доктрина национального самоопределения закреплены в качестве основных принципов в Уставе ООН.

пытка работать над новой темой при помощи старого метода вызвали негодование О. Забужко, многими инструментами исторического и антропологического анализа я не владел, и работа затянулась на долгие пять лет. Лишь 21 января 2005 года, за два дня до инаугурации президента В. Ющенко, я защитил диссертацию в Институте философии НАН Украины. Однако и после защиты в работе оставались нестыковки и натяжки, и весь последующий год я пытался устранить их, дорабатывая текст, представленный ныне на суд читателей.

Следует особо отметить, что начиная с 1998 г. работа готовилась вне научных учреждений Беларуси, поэтому, видимо, самым веским ее недочетом является неполное знание о научных публикациях, вышедших в стране по сопредельной тематике. Работая над книгой, я опирался на методологические построения и теоретические структуры западных ученых. Другой важнейший недостаток книги виден невооруженным глазом: большинство методологических и теоретических подходов в работе заимствованы и лишь адаптированы к ее структуре.

Наконец, третий недостаток был обусловлен близостью украинского материала. Блестящие работы украинских авторов (преимущественно диаспорных) по сопредельной тематике искушали меня брать из них уже готовые формулы, и порой я не мог не поддаться этому искушению.

Рамку книги в ее нынешнем виде очертила Оксана Забужко, которая внимательно и терпеливо перечитала ее несколько рабочих редакций на не вполне привычном для нее белорусском языке. (То, насколько живо она участвовала в написании книги, видно и по относительно частому цитированию ее исследований, посвященных проблематике национализма.) По большому счету, ее можно считать научным редактором этой книги. Естественно, вина за все возможные оплошности и недочеты лежит лишь на мне, поскольку ее последняя редакция была подготовлена мной самостоятельно.

Широко известные идеи, ставшие общими местами в теории нации и национализма и сопредельных областях гуманитарной

науки (Грабовича, Саида, Шкандрия, Геллнера, Хагена Шульце и т.д.), даются в работе без ссылки на первоисточник.

Первая глава книги «Нация и национализм: домодерная и модерная парадигмы» представляет собой общий теоретический экскурс, основанный на западных исследованиях нации и национализма. Она посвящена перипетиям становления нации и национализмов в домодерных и модерных обществах Европы и по этой причине не вызовет особого интереса у специалистов по данной проблематике.

В главе «Первые националисты» рассматривается процесс конструирования понятия «Беларусь» в польском и российском колониальных дискурсах и его превращение в этнокультурную категорию. Без нее невозможно перейти к заключительному разделу — «Ф. Богушевич и миф белорусского возрождения», предлагающему видение литературы как деятельного метода мифотворчества и националистической мобилизации.

Разбивка на три главы была призвана облегчить изложение темы, которое происходит недостаточно линейно, порой с повторами, с забеганием вперед и возвращением назад, с кружением около разных тем. Эта книга — не теоретическая машина, для нее не характерна претензия на органичность, поэтому я не сглаживал эти моменты и не вводил постфактум строгую нарративную последовательность. Составные части написаны в разных методологических ключах и в разных жанрах (от беллетризованного очерка до попытки выработки новой концепции), а местами вообще без строгого метода и с теоретическими непоследовательностями.

Я также прибегал к текстологическому анализу, призванному интерпретировать сложную социальную реальность на материале отдельных текстов, поскольку был убежден, что они являются застывшими следами проблемных взаимоотношений между властью, обществом и историей.

Я сознательно отказался от перегрузки книги сведениями общего характера, прежде всего из области литературной историографии. Поэтому адекватное восприятие работы предусматрива-

ет владение знаниями о белорусской национальной культуре. Присутствующая в ней тема белорусского национального сознания рассматривается исключительно в ее «модерной» версии, выработанной в конце XIX в. Поэтому, к примеру, реминисценции национального сознания в творчестве Франциска Скарыны в этой работе остались вне рассмотрения.

Если судить по ссылкам, работа не выдерживает стандарта строгого академического труда. Это скорее научно-популярное издание, к которому я старался давать минимум сносок. Порой хаотичное цитирование источников и исследований, а также опора на научно-популярные издания вызваны тем, что большинство их было первоначально недоступно на языках, которыми я активно владею, и порой одно и то же издание приходилось читать (и цитировать) на языке оригинала и позже перевода. Часть ссылок имеет неполное библиографическое описание, так как я был вынужден работать с ними в Интернете либо по каким-то другим причинам был не в состоянии оформить их должным образом. В свое оправдание скажу, что историк идей не буквоед, и для него важна сама мысль либо высказывание, а не его совершенно точное описание.

Несмотря на то, что в этой работе очерчен европейский контекст, в ее центре пребывает четырехсторонний белорусско-российско-украинско-польский дискурс. Ряд использованных в ней терминов — «нациостроительство», «модерный», «раннемодерный» и т.д. — хотя еще не получили прав гражданства в русском языке, но были крайне необходимы для разграничения понятий. То же самое относится к термину «русский народ», обозначающему в книге этническую общность, из которой в модерное время выделились белорусы и украинцы. Написание «Белоруссия» было сохранено при передаче оригинальных высказываний, во всех остальных случаях употребляется написание «Беларусь». Так как книга рассчитана прежде всего на белорусского читателя, некоторые стихотворные фрагменты я давал по-белорусски в оригинале, без перевода. То же самое относится к некоторым цитатам на польском и украинском языках.

Название книги не вполне соответствует ее содержанию, так как она посвящена скорее предыстории белорусского национализма. Я отказался от употребления слова «предыстория» в силу его громоздкости и чрезмерной амбициозности.

Работа отражает нынешний срез знания о нации и национализме (которое бурно развивается) и, нет сомнения, даже по прошествии небольшого периода времени будет восприниматься анахронично. Будет крупной удачей, если ей удастся утвердиться в качестве предварительного наброска будущей синтетической разработки данной проблемы.

Остается добавить, что я заранее принимаю обвинения в коварстве и черной неблагодарности, а также поблагодарить Александра Адамянца и Андрея Дынько, просмотревших текст книги перед сдачей в печать и высказавших ряд ценных замечаний о ней.